

То же можно сказать и о наследии Байрона: между его дневниками (теми из них, которыми мы располагаем) и его письмами жанровое различие отсутствует. За исключением писем деловых или обращенных к людям мало знакомым, в переписке Байрона господствует та же смесь интимных признаний, бытовых сценок, впечатлений об участии в выдающихся событиях эпохи, которая характеризует и его дневники.

Такое смешение лирических, драматических и эпических элементов характерно для романтизма, для присущего ему взаимопроникновения жанров, при котором границы их становятся в известной мере условными. Несмотря на свою приверженность к классицистической ясности в разделении литературы на виды и жанры, Байрон создает «гибридные» образования: лирические драмы, лирико-комический эпос, а также дневники и письма, в которых повествование, диалог и лирическое излияние дают не сумму жанровых элементов, а их взаимодействие⁶.

Необходимым условием для рассмотрения «Журналов и писем» как литературного явления следует считать решение вопроса о том, ставил ли Байрон перед собой художественные цели, предполагал ли он возможность опубликования своей корреспонденции, хотя бы посмертно. На это можно без колебаний ответить утвердительно. Он нередко говорит о своем желании предать гласности не только мемуары, — впоследствии варварски уничтоженные, — но и письма и журналы. Он вручает Муру свой дневник 1813/14 г., добавляя, что дневник его путешествия по Швейцарии сохранился у его сестры Августы; он заявляет, что считает полезным и важным посмертное появление в печати его переписки и журналов и завещает Муру все рукописи с просьбой быть их издателем. Он часто озабочен тем, чтобы содержание его писем получало гласность, и просит адресатов показывать их общим знакомым⁷.

Таким образом, известный расчет на художественное воздействие не только журналов, но и писем у Байрона был. Впечатление, создающееся у читателей, не является следствием знакомства с необработанным «человеческим документом» — оно до определенной степени сознательно подготовлено. Это подтверждает правомерность подхода к «Журналам и письмам» как к явлению художественному; совокупность их представляет некоторое эстетическое единство.

Единство это, однако, нельзя считать абсолютным: Байрон сам не готовил свою корреспонденцию и свои воспоминания для печати, не рассчитывал на эффект от сопоставления одних писем или записей с другими, в особенности с такими, которые он не предназначал для чужих глаз и ушей. Поскольку автор не продумывал впечатления от своей переписки в целом, не заботился о том, чтобы она составила единое повествование⁸, постольку о единстве ее можно говорить лишь с серьезными оговорками, не забывая, что перед нами — собрание блестящих зарисовок, набросков, фрагментов, размышлений, складывающихся для читателей в единое целое, но не сложенных в таковое автором; написанных в каждом отдельном случае не без мысли о художественности, но не прошедших окончательной и унифицирующей обработки.

Это отсутствие последней шлифовки составляет с точки зрения современного читателя одно из главных достоинств «Журналов и писем».

⁶ G r ä s e r Cf. Alb. Op. cit., S. 109—111, 113—114.

⁷ См., например, письмо Байрона к Муру 13 июля 1820 г.—Lord Byron. Letters and Journals. Ed. by R. E. Prothero. London, New York, 1898—1903, v. V, p. 51; письмо к Меррею 26 августа 1818.— Ibid., v. IV, p. 251; письмо к Муру 2 января 1821.— Ibid., v. V, p. 212; письмо к Меррею 10 августа 1821.— Ibid., v. V., p. 342—343; письмо к Меррею 20 сентября 1821. Ibid., v. V, p. 369.

⁸ J o s t Cf. Fr. L'évolution d'un genre: Le roman épistolaire dans les lettres occidentales.— Essais de littérature comparée. II. Europaeana. Première série. 1968. University of Illinois Press. Urbana, USA.